

*И. А. Прокофьева, Е. В. Рахилина (Москва). ГЛАГОЛЫ КОЛЕБАТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ: ПОЛЬСКИЙ И РУССКИЙ*³²

Задача

В работе исследуется семантика польских и русских глаголов, обозначающих колебательные движения. Ставится задача выявить параметры, по которым реализуются системные противопоставления в этом семантическом поле для данных двух языков. Обсуждается когнитивная и типологическая релевантность этих параметров.

В практическом плане наше исследование опирается на данные словарей, как двуязычных, так и толковых, на материалы, полученные от информантов – носителей польского и русского языков на основе разработанной нами анкеты, а также данные корпусов русского и польского языка. Мы старались учесть и лингвистические описания, так или иначе касающиеся семантики колебательных глаголов – ср., например, *Vojar 1979, Levin, Rappaport 1992* (специальных работ, тем более сопоставительных, насколько нам известно, на эту тему пока нет).

Это исследование является продолжением проекта проф. Р. Гжегорчиковой (ср., например, *Grzegorzczukowa R. 1997*) по лексической типологии (прежде всего, славянских) языков, хотя и выполняется на другом лексическом материале.

Материал

Семантическое поле колебательных движений представлено в русском языке глаголами качаться, шататься, колыхаться, а также в очень небольшой степени – глаголами кивать и колебаться. В польском это поле отражают глаголы *huśtać się, kołysać się, chwiać się, kiwać się, bujać się, chybotać (się)*. Легко заметить, что, в отличие, например, от глаголов вращения (см. Прокофьева, Рахилина 2002), колебательная зона для русского и польского практически не содержит **КОГНАТОВ**, т.е. этимологически родственных глаголов (ср. англ. термин *cognate*). Исключение составляют колыхаться – *kołysać się* и кивать – *kiwać się*. Таким образом, в поле колебательного движения языки разошлись значительно. Отметим, что и сама структура поля различается в русском и польском: в русском есть «главный» глагол качаться, «ответственный» за колебательные движения самых разных типов (см. Рахилина 2001), остальные же глаголы явно составляют периферию: для шататься и колебаться наиболее частотными стали переносные значения (ср. шататься как ‘бесцельно передвигаться’, ‘бродить’, и в еще большей степени – колебаться как ‘сомневаться’; кстати, и польское *kolebać* в современном языке практически потеряло собственно колебательное значение). В польском картина более однородная: каждый глагол достаточно употребителен в своей узкой семантической области.

³² Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 02-04-00303а).

*Результаты сопоставления*³³

(1) Русское **кивать** – каузативный глагол, имеющий специальную зону действия (только в значении кивать головой о человеке или животном); польское **kiwać się** некаузативно и шире по значению, оно вбирает «русские» контексты наряду с любыми ситуациями, в которых происходит колебание верхней части объекта независимо от нижней, так что объект перегибается.

(2) Пара когнатов **колыхаться** – **kołysać się** тоже имеет зону семантического пересечения: и в польском, и в русском колышутся «мягкие» горизонтальные поверхности (ср. пшеница, трава). Возможно, эта ситуация является прототипической для обоих языков. Однако в русском в сфере действия этого глагола попадают и вертикальные «мягкие» поверхности (занавески, флаги) – и на этом она исчерпывается. Значение же польского глагола, как и в группе (1), шире. Его семантической доминантой оказывается слабая амплитуда колебаний, и это существенно расширяет круг объектов, подпадающих под сферу данного глагола: в нее входит, в отличие от русского, во-первых, вода и метонимически – все предметы на ее поверхности (несильно колеблемые), а во-вторых, слабо движущиеся маятникообразные объекты (например, люстра от ветра). Зато мягкие вертикальные поверхности не описываются этим глаголом: их способ качания в польской картине мира «объединяется» с движением неустойчивых «жестких» объектов, см. группу (4).

(3) Релевантность признака амплитуды колебаний для польского обнаруживается и на примере семантики глагола **huścić się**, который описывает движение маятникообразных объектов и соотносится прежде всего с ситуациями, которые на русский можно было бы перевести с помощью глагола раскачиваться, т.е. колебаниями большой амплитуды. Для русского единственный способ описать движение маятника – это употребить «главный» глагол качаться, причем независимо от амплитуды колебаний.

Наши исследования показывают, что в русском при этом в фокус внимания говорящего попадает именно весь подвешенный объект, тогда как подвеска «видится» повторяющей его движения и не принимается во внимание (ср. ситуацию качания маятника). Случаи «мягкой» подвески, со своей собственной траекторией движения, которая «берет на себя» фокус внимания, выделяются русским языком в отдельный класс и описываются глаголом махать (поэтому можно: махать, но не *качать хвостом).

(4) В особый класс ситуаций оба языка выделяют колебания теряющих устойчивость вертикальных объектов, закрепленных снизу. В

³³ С сожалением, ввиду экономии объема текста, авторы вынуждены опустить практически весь собранный иллюстративный материал и ограничиться общим его описанием.

русском в этой зоне действует – параллельно с качаться – глагол шататься, применимый к заборам, столбам, зубам, а также нетвердо стоящим на ногах людям. Обратим внимание, что раскачиваемые ветром деревья качаются, но не шатаются: их корни не дают им потерять устойчивости.

В польском колебательные движения закрепленных снизу «стержней» передается глаголом **chwiać się** – тем же, что описывает колебание гибких вертикальных поверхностей, например, занавесок, см. группу (2). Однако в польском идея неустойчивости разработана значительно подробнее, чем в русском. Во-первых, тот же глагол «обслуживает» и потерявшие устойчивость горизонтальные поверхности, что для русского языка недопустимо, ср. ... *szczętemu pod nogami trwały, pewny grunt który się nie chwieje* ‘... чувствуем под ногами твердый грунт, который <букв.> не шатается’. Обратим внимание, что перевод этого предложения с помощью качаться будет так же неудачен: в русском такая ситуация, скорее, игнорируется языком («следы» ее видны лишь в употреблении адъективного шаткий: шаткие мостки). Что же касается канонических употреблений качаться применительно к горизонтальным поверхностям типа: палуба качается, то они ориентируются прежде всего на ситуацию колебаний опоры (в данном случае – воды), а не потерю устойчивости ввиду деформации. Обратим внимание, что качаться практически не применимо к самой водной поверхности (при том, что в польском колебания воды описываются не одним глаголом – в разных случаях допустимы и *huścić się*, и *kołysać się*, и *chybotać (się)*, и *chwiać się*, и *bujać się*), но описывает колеблемые водой предметы, см. также группу (6).

(5) Параметр неустойчивости занимает особое место в польской лексической системе: он релевантен для семантики еще одного польского глагола, а именно, **chybotać (się)**. Этот глагол подразумевает колебательные движения (с небольшой амплитудой) одновременно всех частей объекта; сходная ситуация в русском описывается глаголом дрожать. Так ведет себя пламя свечи, веревочная лестница или тряская поверхность болота; интересно, что в тот же класс приемлемых для *chybotać (się)* объектов попадают и старые вещи, готовые вот-вот развалиться, рассыпаться (как если бы все их части потеряли устойчивость). Никакого аналога в русском этому предикату нет.

(6) Еще один тип колебательных движений, который специально выделяется в польском – это колебания предмета на опорной поверхности, причем либо на поверхности устойчивой и неподвижной (ср. движение кресла-качалки), либо на подвижной, за счет ее собственных колебаний (ср. пассажир в транспорте, чайник на плите и др.) Оба эти типа ситуаций охватываются в польском одним глаголом **bujać się**. В русском же они не объединяются: качаться покрывает только первый тип и игнорирует второй, «оставляя» его глаголам близкой, но все же другой семантической группы, ср. трястись.

Обратим внимание, что первое значение глагола *bujać się* – ‘летать, носиться в воздухе’, и это не случайно: в польской картине мира концепт движения в воздухе связан с идеей вертикального движения относительно опоры (именно так и нужно, видимо, описывать семантику второго, колебательного значения *bujać się*). Типологически такое совмещение данных концептов (в более широком контексте его можно описывать как ‘летать’/‘прыгать’) релевантно для многих языков (ср., например, армянский или корейский). Интересно в этой связи и то, что польское *latać* ‘летать’ легко переносится на «колебательную» ситуацию ‘вздрагивать <о губах>’.

Некоторые выводы

Семантика поля колебательных движений в русском и в польском определяется разными параметрами – они и обеспечивают различие в членении этого поля. Для русского релевантным является различие между движением «мягких» и «жестких» объектов (качаться vs. колыхаться); кроме того, в отдельный класс выделяется колебание потерявших устойчивость крепления снизу вертикальных объектов (качаться vs. шататься).

Для польского важны амплитуда колебаний (большая: *huścić się*; малая: *kołysać się*, *chwiać się*, *kiwać się*, *chybotać [się]*, *bujać się*) и параметр неустойчивости (ср. *chwiać się*, *chybotać (się)* и отчасти *bujać się*). Кроме того, польский, в отличие от русского, имеет возможность лексически противопоставить пять топологически различных типов колебательных ситуаций: движение маятника (*huścić się*), раскачивание закрепленного снизу вертикального объекта (*chwiać się*), колебательные движения вместе с опорной поверхностью (*bujać się*), колебания одной верхней части вертикального объекта (*kiwać się*) и мелкие колебания всех частей объекта, которые происходят одновременно и независимо друг от друга (*chybotać [się]*).

Л и т е р а т у р а

- Прокофьева И. А., Рахилина Е. В.* 2002. – Крутится, вертится шар голубой (типология глаголов вращения: польский и русский) // Доклады 3-ей зимней типологической школы. РГГУ. М., 2002.
- Рахилина Е. В.* 2001. – О природе бесконечного движения: качаться // *Prace Filologiczne*. Т. XLVI. Warszawa, 2001. S. 493–502.
- Bojar B.* 1979. – *Opis semantyczny czasowników ruchu oraz pojęć związanych z ruchem*. Warszawa, 1979.
- Grzegorzyczkowa R.* 1997. – Projekt syntezy badań poró wnawczych w zakresie nazw wymiaró w // B. Nilsson; E. Teodorowicz-Hellman (eds.). *Nazwy barw i wymiaró w – Colour and measure terms*. Stockholm, 1997. P. 97–104.
- Levin B.; Rappaport Hovav, M.* 1992. – The lexical semantics of verbs of motion: the perspective from unaccusativity // I. Roca (ed.), *Thematic structure: Its role in grammar*. Berlin. Foris, 1992. S. 247–269.